

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ГУМАНИТАРНАЯ
НАУКА В МИРОВОМ
КОНТЕКСТЕ**

опыт России и Польши

Ответственные редакторы
Ежи Аксер, Ирина Савельева

Издательский дом
Государственного университета
Высшей школы экономики

Москва, 2010

УДК 001.2
ББК 72в7
Н35

Рецензент — доктор исторических наук *И.Н. Данилевский*

Н35   **Национальная** гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши [Текст] / пер. с польск. Н. Кузнецова ; отв. ред. Е. Аксер, И. М. Савельева ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 368 с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0676-9 (в пер.).

В монографии, подготовленной международным коллективом авторов исследуются и выработываются критерии оценки вклада российских и польских социально-гуманитарных дисциплин (научных школ, направлений, отдельных выдающихся ученых) в развитие гуманитаристики в современном мире, механизмов рецепции и трансляции научного знания. Монографию отличают широкие хронологические рамки (от XVIII в., эпохи становления национальной науки, до «постсоветского» времени) и междисциплинарный подход. В книге ведущими учеными России и Польши представлены основные социально-гуманитарные дисциплины: антиковедение, история, филология, социология, психология, экономическая наука, правоведение, ориенталистика и философия.

Издание адресовано самому широкому кругу исследователей-гуманитариев, в особенности — специалистам в области истории науки и истории идей; преподавателям высших учебных заведений, студентам и аспирантам.

УДК 001.2
ББК 72в7

ISBN 978-5-7598-0676-9

- © Государственный университет — Высшая школа экономики, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований, 2010
- © Варшавский университет, Институт междисциплинарных исследований «Artes Liberales», 2010
- © Пер. с польск. на рус. яз. Никита Кузнецов, 2010
- © Оформление. Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ирина Савельева</i>	
Присутствие и отсутствие... ..	5
Классическая филология	19
<i>Ежи Аксер</i>	
Польская классическая филология — европейская и национальная	19
<i>Нина Брагинская</i>	
Мировая безвестность: Ольга Фрейденберг об античном романе ...	34
Литературоведение и языкознание	63
<i>Александр Дмитриев</i>	
Образцовая «русская теория», или Западное наследие формальной школы	63
<i>Алина Новицкая-Ежова</i>	
Традиции польской гуманитаристики: время или шанс? Наука о польской литературе	92
<i>Анна Душак</i>	
Между регионализмом и глобализмом: перспективы польского языкознания	106
История	121
<i>Павел Уваров</i>	
Но тут все и кончилось... Россия в роли «великой историографической державы»	121
<i>Александр Каменский</i>	
Современная отечественная историография России и мировая историческая наука: интеграция как бег с препятствиями	138
<i>Дариуш Колодзейчик</i>	
Польская историография: после «польской исторической школы»	155
Ориенталистика	162
<i>Ян Кеневич</i>	
Польское востоковедение: опыт Востока и Запада	162
<i>Сергей Серебряный</i>	
Российская индология в мировом контексте	179

<i>Илья Смирнов</i>	
Россия и Европа: синологические связи во фрагментах и эпизодах	194
Философия	207
<i>Яцек Ядацкий</i>	
Польская философия: международный резонанс	207
<i>Алексей Руткевич</i>	
Время и человек: вклад русских эмигрантов в формирование французской философии середины XX в.	216
Психология	236
<i>Андрей Юревич</i>	
Включенность/невключенность российской психологической науки в мировой мейнстрим	236
<i>Барбара Бокус</i>	
Что привносит теория деятельности Тадеуша Томашевского в транснациональный научный дискурс?	250
Социология и право	260
<i>Иоанна Курчевская</i>	
Пять случаев из истории польской социологии, многое говорящих о ее идентичности	260
<i>Хуберт Издебский</i>	
Польское правоведение	289
Экономическая наука	301
<i>Збигнев Хоцкуба</i>	
Несколько мыслей о состоянии польской экономической науки и о ее международной позиции	301
<i>Андрей Полетаев</i>	
К вопросу о российском вкладе в мировую экономическую науку	310
Заключения	344
<i>Павел Лещенко</i>	
Мировая, западная, национальная наука: к проблеме соизмеримости. Опыт социологического комментария	344
<i>Ежи Аксер, Ян Кеневич</i>	
Posłowie	360
Сведения об авторах	366

Ирина Савельева

ПРИСУТСТВИЕ И ОТСУТСТВИЕ...

Ни французам, ни немцам, ни американцам не придет в голову сделать темой монографии исследование вклада своих ученых, представляющих социальные и гуманитарные дисциплины, в мировую науку. Сама потребность в этом отсутствует, а если бы она возникла, то решение подобной задачи потребовало бы многотомных изданий или энциклопедий. В европейских же странах, которые не являются «сверхдержавами» в области науки, это — вполне объяснимая потребность. Положение осложняется не только предшествующим существованием в качестве европейской периферии, но и автаркией в период социализма, господством догматического марксизма в социальных науках, трудностями адаптации к новым условиям формирования «нормальной» науки.

На восточноевропейском пространстве данный научный проект, предполагающий систематическую оценку собственного (*национального*) присутствия в мировой науке, возник именно у польских гуманитариев. Ими же в рамках 15-летнего юбилея Центра изучения классической традиции в Польше и Центральной и Восточной Европе (Ośrodek Badań nad Tradycją Antyczną w Polsce i Europie Środkowo-Wschodniej — ОБТА) Варшавского университета в 2007 г. была проведена первая конференция «Присутствие и отсутствие Польши в мировом гуманитарном научном дискурсе», обращенная к польской гуманитаристике. Вторую конференцию провели в 2008 г. в России и о России — у русских и поляков есть и общий опыт, и общие проблемы. Эту конференцию организовал Институт гуманитарных историко-теоретических исследований (ИГИТИ) Высшей школы экономики. Такова предыстория этой коллективной монографии.

Наши страны объединяет совершенно особый, свойственный нам одним опыт исторического времени: парадоксальное наложение

прошлого и современности. С одной стороны, и для России, и для Польши актуальна задача встраивания национальной гуманитарной науки в мировую академическую культуру, преодоления остаточного провинциализма, сохранившегося со времен советской изоляции. С другой стороны, очень хочется отказаться от позиции «рецепциониста», собирающего «интеллектуальные продукты» из «импортных деталей», нередко устаревших.

Насущной необходимостью остается развитие фундаментальных исследований и формирование национальных научных школ. Кроме того, русским, полякам и другим восточноевропейцам нужно попытаться заново открыть ценности отечественной академической культуры для мирового научно-образовательного рынка.

Совершенно очевидно, что тема нашей коллективной монографии включает исторические, идеологические, политические аспекты. Мы от этого никуда уйти не можем: проблемы, связанные с «присутствием или отсутствием», будь то России, будь то Польши, мы вынуждены рассматривать, учитывая, что, особенно для XX в., состояние национальной науки и отечественных «научных школ» приобретает особую остроту именно в социально-гуманитарных дисциплинах, где они напрямую смыкаются с проблемами национальной интеллектуальной традиции, а также исторической и культурной идентичности нации и государства. К тому же научные успехи нередко осознаются в качестве важных показателей национально-государственного развития, неудачи же порождают уныние, а у некоторых — и опасения утраты национальной «научной» независимости.

Общие установки

Замысел монографии вовсе не предполагал серию исчерпывающих обзоров состояния дел в той или иной науке. Напротив, мы никоим образом не хотели ограничивать свободу в выборе ракурсов, тем, персоналий, о которых пойдет речь. Соответственно, авторы не придерживались общей концепции, заданных хронологических рамок или единого сценария. Мы исходили из того, что в разных науках и дисциплинарных областях в разные периоды ситуация скорее всего принципиально различна. К тому же в одних случаях речь может идти о целых школах, в других — об отдельных фигурах мирового значения.

Каждый автор выстраивал сюжет в зависимости от ситуации в его дисциплине, личных предпочтений и изобретательности. В результате в сборнике есть исследования обзорные, есть конкретно-аналитические, есть и эссеистские. Нам кажется, что в данном случае разнообразие подходов и фокусов способствует созданию стереоскопической картины «присутствия и отсутствия» национальной социально-гуманитарной науки (а точнее — наук) в мире.

Читатель легко заметит, что структура сборника не симметрична — набор польских и российских дисциплин несколько различен. Причин тому несколько. В наших двух странах разная ситуация с состоянием отдельных социальных и гуманитарных наук, определяющая возможности и формы их присутствия и влияния. В каких-то случаях даже при безусловном наличии объекта нам не удалось найти субъекта, готового на эту тему писать (так сложилось, например, с российской социологией)¹.

С самого начала участников объединяло стремление при анализе проблемы избежать как самоуничужения, так и апологии, и представить по возможности беспристрастный анализ state of arts. Тем не менее тон изложения оказался достаточно эмоциональным. «Не стану скрывать: мои размышления на заявленную тему будут довольно горькими» — первая фраза статьи философа Яцека Ядацкого². Горечь или досада ощутимы и в других исследованиях, и этому не стоит удивляться. Мы все отягощены «коллективной памятью» и связаны коллективной идентичностью «ученого сословия». «Наблюдающий» «включен» в объект наблюдения во всех возможных смыслах. Тем не менее все авторы следовали установке на академическое исследование, предполагающей отстраненную позицию.

Предмет исследования, посвященного Польше и России, предполагает сопоставления, и они у читателя, конечно, возникнут. Но все же наша главная цель состояла в идентификации теоретических проблем, связанных с положением социально-гуманитарных наук в наших странах, и выявлением предпосылок и препятствий для участия в мировой научной дискуссии. И прежде всего важно было понять, в чем вообще может состоять вклад национальных наук

---

¹ «В принципе, говорить на мою тему легко и неприятно, потому что почти невозможно говорить о том, чего нет. Влияния советской социологии на мировую не было, нет и не будет. И быть не может», — сказал на упомянутой конференции российский социолог Александр Ф. Филиппов.

² Ядацкий, наст. изд.: 207.

в мировой мейнстрим, какое принципиально новое научное знание в разные исторические периоды было создано нашими учеными, независимо от того, как и когда оно стало (или, как крайний случай, вовсе не стало) достоянием мировой научной мысли.

Основные понятия

Достаточная степень свободы присутствовала и в интерпретации основных понятий, которыми оперируют авторы сборника: «мировая наука», «национальная наука», «присутствие», «вклад». Эти обобщенные концепты представляют собой отдельную аналитическую проблему. Мы не призывали всех обязательно ее разрешить, однако просили по возможности учитывать и так или иначе эксплицировать, что подразумевается в текстах под этими понятиями.

Для многих авторов камнем преткновения и, в силу этого, отправной точкой для размышлений оказалось понятие «мировая наука». Ведь наука по сути своей интернациональна, и, как замечает историк Павел Уваров, словосочетания «Академия российских наук» или «Академия польских наук» звучали бы смешно для любого человека³.

Самые распространенные формулировки понятия «мировая наука», предлагаемые авторами сборника в качестве инструментальных: «западная наука», «мировой мейнстрим», «сумма национальных наук», «исследования, имеющие универсальное значение», «космополитический научный дискурс» или даже, применительно к отдельным наукам, «англосаксонское доминирование».

Кроме того, «мировая наука» имеет и институциональный облик, кстати, — гораздо более очевидный: международные ассоциации, фонды, конгрессы, комиссии, журналы, совместные проекты, обмены и т. д. При этом почти все авторы подчеркивают ограниченность любой, включая собственную, интерпретации термина «мировая наука», а индолог Сергей Серебряный и психолог Андрей Юревич справедливо обращают внимание на то, что «мировая наука» в большинстве трактовок исключает «традиционную восточную науку»⁴.

Впрочем, и с более очевидным понятием «национальная наука» все тоже не так просто, хотя словосочетания «Польская академия наук» или «Российская академия наук» смешно не звучат. Как отмечает историк и филолог Александр Дмитриев, «национальная

---

³ Уваров, наст. изд.: 122.

⁴ Серебряный, наст. изд.: 182; Юревич, наст. изд.: 236.

наука» — это некое проблематичное единство, каждый раз взыскующее непонятно к какой целостности — «мировой науке»⁵. Читатель приобщится к этим размышлениям и рассуждениям и скорее всего почувствует как условность, так и определенное удобство используемых концептов.

Слово «присутствие» в данном контексте авторы тоже понимают по-разному, но кажется, продуктивно трактовать его как включение новых научных результатов в корпус знания, создание произведений, имеющих универсальное значение и оказавших сколько-нибудь существенное влияние на развитие мировой научной мысли, или, не-сколько генерализируя формулировку социолога Иоанны Курчевской⁶, участие «во всемирном разделении научного труда».

С метафорой «отсутствие» — гораздо проще. Всё, что не присутствует, то отсутствует, и главное — «все отсутствуют одинаково». А присутствуют все, действительно, по-разному, и это один из научных результатов данного исследования.

В связи с предлагаемой «присутствия и отсутствия» отдельно возникает вопрос: как померить это «присутствие». В статьях монографии намечен целый спектр подходов. В частности, историк и экономист Андрей Полетаев отмечает, что значение тех или иных научных работ может быть оценено двумя способами — с позиций «историцизма» и «презентизма». С «историцистской» точки зрения, представленной, как правило, в специализированных исследованиях по истории мысли, важно обнаружить и зафиксировать все интересные работы, создававшиеся в прошлом, независимо от того, были ли они известны современникам и, тем более, потомкам (вплоть до неопубликованных рукописей)⁷. В рамках «презентистского» подхода учитывается в первую очередь «вклад», т. е. влияние, которое те или иные труды оказали на последующее развитие науки вплоть до сегодняшнего дня.

В свою очередь историк Александр Каменский считает, что «значимым, тем, что реально определяет динамику развития науки, является все же выработка новых методов и подходов к изучению прошлого, имеющих универсальное значение вне зависимости от непосредственного объекта исследования, а также появление новых идей, оказывающих влияние на общие представления о прошлом человечества»⁸.

---

⁵ Дмитриев, наст. изд.: 63—91.

⁶ Курчевская, наст. изд.: 261.

⁷ Полетаев, наст. изд.: 326.

⁸ Каменский, наст. изд.: 139.

Механизмы трансляции и формы рецепции

Целый ряд ключевых вопросов связан с механизмами трансляции и формами рецепции социальной науки европейской периферии. Почти во всех статьях рассматриваются институциональные механизмы включения знаний, полученных в рамках национальной науки, в мировой запас знания. Понятно, что выделение всех механизмов или условий рецепции национальных достижений в мировой мейнстрим не входило в задачи авторов. У каждой теории, школы и личности были свои пути к признанию, часто довольно причудливые. Совокупность проанализированных предпосылок «присутствия» и стратегий его реализации складывается в довольно разнообразную систему.

Прежде всего для вхождения в корпус мирового знания, конечно, необходимо соответствие общепризнанным научным процедурам производства нового знания, владение уже накопленным запасом, чувство «узких мест» и научного фронта. Но даже при условии, что новое знание действительно произведено, нужны еще определенные обстоятельства для его распространения. Благоприятствовать рецепции могут контакты (персональные и институциональные), миграция ученых (визиты, переезды, эмиграция), наличие утвердившихся национальных научных школ и научных традиций (например, Франц Brentano — Казимеж Твардовский — Януш Томашевский в психологии или Франц Brentano — Казимеж Твардовский — в философии).

Очень важную роль в распространении национальных научных достижений играло присутствие на Западе ученого-«передатчика», который знакомил мир с достижениями своей родины. Так, общеизвестно, что человеком, который смог осуществить прорыв русского формализма в мир, был Роман Якобсон, основатель Пражской лингвистической школы. Необычайно много для популяризации польской философии сделал Казимеж Твардовский.

В то же время в отдельных статьях анализируются случаи тупикового развития эмигрантской науки. Например, русские философы-эмигранты в Германии после революции 1917 г., которые были включены в контекст немецкой философии (знание немецкого языка, образование, академические интересы), тем не менее в изгнании углубились в разработку русской религиозной философии и, как пишет философ Алексей Руткевич, «один за другим умира-

ли в эмиграции в равнодушном к их сочинениям окружении. Они продолжали писать по-русски, ориентируясь лишь на образованных эмигрантов»⁹.

Авторы многих статей останавливаются на роли языка в продвижении отечественной науки, отмечая, что зачастую тем ученым, которые писали на чужом языке (от латыни до английского), больше повезло в плане мирового признания. Хотя некоторых из них плохо знают на родине, — замечает Яцек Ядацкий и приводит в подтверждение своего утверждения многие хорошо известные имена:

«Существует “простой” рецепт, как польскому философу войти в мировой дискурс. Для этого он должен эмигрировать (как, например, Лукасевич, Бохенский, Тарский) или писать на западных “конференционных” языках (как, например, Твардовский и Ингарден)»¹⁰.

С этим тезисом увязана и более общая проблема двух типов ученых: «инсайдеров», ориентированных на «внутренний рынок», и «аутсайдеров», работающих за пределами страны и национальной науки (другие предложенные варианты для обозначения того же явления: «местники» и «космополиты»; «славянофилы» и «западники»). К сожалению, между ними сегодня существует разрыв. Наши соотечественники неплохо представлены во многих исследовательских университетах и центрах Западной Европы и США (и даже Канады и Австралии), но пока не очень заметна их роль в трансляции польской или российской гуманитаристики.

В связи с проблемой национального языка, на котором издается подавляющая часть исследований, некоторые авторы ставят задачу публикации отечественных ученых в ведущих западных журналах и, как частный случай, — организацию переводов на английский язык работ, высоко оцененных в национальных научных сообществах.

«Если мы хотим, хотя бы с опозданием, включить достижения польской мысли в общеевропейский дискурс (а игра стоит свеч), нам необходима разумная политика переводов. Разумная же политика подразумевает первоклассные переводы на современную *lingua franca* (т. е. английский) первоклассных текстов наших первоклассных философов»¹¹.

Естественно возникает и тема национальных научных журналов (включаются ли они в Citation Indices, известны ли на Западе, публикуют ли Summary на английском).

---

⁹ Руткевич, наст. изд.: 219.

¹⁰ Ядацкий, наст. изд.: 214.

¹¹ Ядацкий, наст. изд.: 210—211.

Александр Каменский, предлагая подумать над изданием исторического журнала на английском языке, напоминает, что

«первый в России специализированный исторический журнал (*Sammlung Russischer Geschichte*) издавался на немецком языке; его читали Вольтер, Гердер, Гёте, и именно он формировал представления о русской истории в среде европейских интеллектуалов XVIII в.»¹².

Обсуждение механизмов трансляции результатов национальной науки выводит на разговор о роли научных сообществ и в целом организации науки, включая научную политику. В статье Иоанны Курчевской показано, как много способна сделать даже одна научная ассоциация — речь идет о Польском социологическом обществе (ПСО).

«Благодаря многообразию научных и общественных ролей ПСО (которое было одновременно коллективным экспертом, представителем многих научных обществ и гражданского общества), его связям с польскими интеллектуальными и политическими оппозиционными кругами, прекрасным формальным и неформальным зарубежным контактам (особенно с лидерами мировой социологии), а также поддержанию высоких научных и публичных стандартов, общество пользовалось признанием мировой научной общественности на международной социологической арене»¹³.

В России сейчас на национальном уровне действуют шесть (!) социологических ассоциаций, но на международной арене ни одна из них не заметна. Более того, они не выполняют свойственную профессиональным ассоциациям на Западе функцию контроля содержания и качества научной продукции и высшего образования.

Историк Дариуш Колодзейчик отмечает другой потенциальный канал трансляции национальных научных достижений, который тоже отсутствует сегодня в наших странах.

«Ни власти ПНР, ни власти Третьей Речи Посполитой до сих пор не решились создать ни одной кафедры истории Польши в ведущих американских университетах, как это делало, к примеру, не только заботящееся о пиаре турецкое правительство, но и румынское коммунистическое руководство времен Николае Чаушеску!»¹⁴

И несколько особняком — еще один провоцирующий дискуссию вопрос: зависят ли масштабы присутствия национальной науки от влияния самой страны в мире. Как мог Запад не прислушиваться к советским историкам, — задает вопрос Павел Уваров,

---

¹² Каменский, наст. изд.: 148.

¹³ Курчевская, наст. изд.: 265.

¹⁴ Колодзейчик, наст. изд.: 157—158.

«...когда СССР обладал водородной бомбой, запускал ракеты в космос, его танковые армады были в двух суточных переходах от Рейна, стройные ряды историков “стран народной демократии” демонстрировали успешное освоение марксистского метода, а сам марксизм находился на пике популярности среди западных интеллектуалов 1950—1960-х годов?»¹⁵.

Проблемы культурной дистанции

Очевидно, что институциональные препятствия для трансляции научных достижений периферийных стран не исчерпывают вопроса. Помимо институциональных механизмов рецепции, которые мы хорошо различаем, есть еще масса проблем, которые связаны с содержательными характеристиками рецепции — что может быть усвоено и освоено мировой наукой синхронно, а что может быть освоено позднее, — ведь актуализация тех или иных трудов зачастую становилась возможной намного позже времени их создания.

Трансляция новых теорий в гуманитарных науках всегда сталкивается с очень непростой проблемой культурной дистанции. Прямое включение теории, появившейся в одной научной среде, в контекст другой часто невозможно. И каждый раз, как показано в некоторых статьях, отсроченное признание или трансформация идей на новой почве — это отдельная история, нередко увлекательнейший исторический казус.

Само «отсроченное» признание того или иного научного направления, особенно в XX в., — феномен нечастый и, как считает историк и филолог Александр Дмитриев, заслуживает внимательного анализа. Например, русский формализм был воспринят мировой наукой только в 1960—1970-е годы в результате утверждения структурного анализа, то есть через 30 лет после того, как существование этой научной школы в России закончилось по совокупности внутренних и внешних причин. Продвижение формальной школы на Западе сопровождалось жесткой борьбой за институциональное признание, а теоретический опыт исследователей российского происхождения перенимался лишь по мере его «вестернизации»¹⁶.

Обращаясь к проблеме особенностей национальной науки, почти все авторы вводят различие национальной науки, существующей в определенных территориальных границах, как правило, в сте-

---

¹⁵ Уваров, наст. изд.: 128.

¹⁶ Дмитриев, наст. изд.: 75.

нах национальных университетов и академий, и отдельных ученых, представителей того или иного этноса. Если в первом случае более или менее очевидно, о чем идет речь, то национальный компонент в творчестве ученых, работающих за рубежами своей исторической родины, часто вообще отсутствует (что не мешает нам ими гордиться). Многовековое существование «республики ученых», а в XX в. — волны вынужденной эмиграции весьма способствовали рассеянию по миру как сложившихся, так и начинающих и даже потенциальных великих ученых.

Например, родившихся в России, но покинувших ее в младенчестве или юности лауреатов Премии памяти Альфреда Нобеля по экономике Саймона Казнеца (1971 г.), Василия Леонтьева (1973 г.) и Леонида Гурвича (2007 г., совместно с Эриком Маскином и Роджером Майерсоном) никто не воспринимает как представителей российской экономической науки. Но вот, например, перешедшие на язык страны пребывания эмигранты Питирим Сорокин или Георгий Вернадский могут рассматриваться и как русские, и как американцы, а Александр Койре, Александр Кожев, Жорж Гурвич — как русские или как французы. Были и такие, кто начинал карьеру на родине, но признание получал прежде всего за границей — как, например, Людвиг Гумплович или Владислав Борткевич.

Иногда, работая за рубежом, ученый может привнести в мировую науку нечто из багажа национальной (Роман Якобсон, Василий Леонтьев), а иногда он просто — русский, поляк, чех и т.д. Правовед Хуберт Издебский пишет о философе и социологе права Леоне Петражицком, которого в российских учебниках по теории и философии права представляют в качестве русского ученого, что «действительно, все его многочисленные труды были написаны в Петербурге, и, будучи профессором Варшавского университета после Первой мировой войны, он создал уже немного нового»¹⁷.

Понятно, что для оценки «научной национальности» ученого, чья деятельность оказалась связанной с «заграничной» наукой, важна индивидуальная история — в какой мере он развивал традицию национальной школы, на каком языке писал, у кого учился и кого учил, сделал ли что-то для популяризации науки своей исторической родины.

Но, помимо государственной или этнической принадлежности, авторы монографии стремились выявить какие-то содержательные смыслы «национальной» науки. В связи с этим в разных исследовани-

---

¹⁷ Издебский, наст. изд.: 294.

ях возникает проблема самобытности и универсализма национальных научных школ. Здесь довольно отчетливо выделяются две позиции. Сторонники первой выступают за универсализм, уверяя, что с самобытностью мы не нужны никому. Их оппонентам кажется, что

«погружение в мировой мейнстрим неизбежно стирает специфические особенности национальной науки и делает ее более похожей на науку других стран, а относительная изоляция, напротив, способствует проявлению этих особенностей. Например, интерес Запада к концепции Льва Выготского был во много обусловлен тем, что в ней акцентирована линия детерминации психического, которой остро не хватало западной психологии»¹⁸.

И далее логика такова: наука, которая подражает, не может рассчитывать на реэкспорт.

На мой взгляд, ситуация несколько сложнее и вряд ли разрешима в рамках данной дихотомии. Во-первых, не будем забывать, что в России национальная наука — заведомо вторичная, подражательная интеллектуальная практика; наука — это «западный» проект. Во-вторых, универсализм не обрекает на имитацию, в силу самой своей «всеобщности», точно так же как самобытность не гарантирует научных прорывов. Кроме того, здесь самое время обозначить такую важную часть «национального вклада», как рутинная наука, о которой, как правило, забывают.

В последние 15 лет, я полагаю, все авторы данной книги довольно много сделали в направлении «универсализации», а точнее — для преодоления изоляции национальной науки от мировой (напомню, что для России — это 70-летний период автаркии!). Были переведены сотни фундаментальных западных трудов XX в. по социальным и гуманитарным наукам, изменены образовательные стандарты, введены новые программы, созданы новые специальности. Отечественная социально-гуманитарная наука стала, или имела достаточные основания стать, конвенциональной, соответствующей общепринятым профессиональным нормам, представляющей разнообразие классических и «модных» теорий и направлений.

Это заметно изменило состояние наших социальных и гуманитарных наук в целом. Ведь присутствие в мировой науке подразумевает не только теоретические прорывы, но и вполне рутинное приращение знания — вклад ученых, которые работают в русле мировой науки, не предлагая оригинальных теорий или идей, а развивая то

---

¹⁸ Юревич, наст. изд.: 239—240.

или иное направление. Такими в советской, не вполне «конвенциональной», науке были немногие — например, историк Арон Гуревич, а сегодня речь идет о сотнях ученых, работающих на мировом уровне, соответствующем стандартам западных коллег. Другое дело, что институциональные механизмы рецепции оставляют большую часть этого «вклада» незамеченной.

Конечно, в связи с «авральным» овладением западным теоретическим багажом возникло много перекосов, о которых мы постоянно говорим. Это и методологический эклектизм в рамках одного исследования, и некритические заимствования модных теорий, и использование исследовательских техник без знания соответствующих концепций, и многое другое.

Отдельно обратим внимание еще на один аспект темы, мало разработанный в нашей монографии. Значение того или иного научного достижения может измеряться по-разному на национальном и мировом уровнях. На национальном уровне, например, Львовско-Варшавская школа заложила высокие стандарты философии, которые сохранялись даже в социалистической Польше. На мировом — она внесла важный вклад в развитие философской логики. Другие ее важные достижения (конвенциональный рационализм) остались незамеченными на фоне аналогичных работ других философов из более «влиятельных» стран.

Вклад национальной науки в мировую имеет историческое измерение: в разные периоды процессы рецепции шли по-разному. В XIX в. пространство научного знания в некоторых отношениях было более единым, а информация доступнее, несмотря на бурное развитие средств коммуникации к концу XX в. Меньше выходило работ, и было проще отслеживать всё важное, включая периферийные издания. В то время некоторые достижения российских ученых и даже целых научных школ были востребованы мировой наукой.

Во многих статьях показано, что старая наука после революции в России умерла далеко не сразу. В 1920-е годы марксизм уже господствовал, но еще не сделался марксизмом-ленинизмом, и в рамках самого марксизма оставалось много от «свободы нравов» предшествующей эпохи.

Анализ досоциалистического периода как в Польше, так и особенно в России вызывает в памяти видоизмененное клише времен «перестройки»: «наука, которую мы потеряли». В целом ряде статей именно так представлена первая треть прошлого века — причем в России чаще всего речь идет об ученых, не узанных и недооценен-

ных из-за внезапно опустившегося занавеса, в Польше — иногда об узнанных и оцененных миром, но забытых на родине.

В связи с этим возникает отдельный вопрос: каковы дивиденды со старого научного капитала, и можно ли рассчитывать на них сегодня за пределами истории науки? «Мировая безвестность» — так назвала филолог Нина Брагинская феномен Ольги Фрейденберг¹⁹. Впрочем, и Михаил Бахтин, и Лев Выготский до определенного времени тоже находились в зоне «мировой безвестности».

С периодом социализма тоже всё непросто, несмотря на очевидный разрыв связей с мировой наукой и перерывом традиции. В России не было «польской исторической школы», Львовско-Варшавской школы, «польской социологии» (впрочем, социологии вообще не было). Были концепция «длинных волн», русский формализм (предметом которого, кстати, являлась прежде всего русская литература, что делает феномен международного признания этого направления интересным вдвойне).

В поле западной науки до сих пор присутствуют «несоветские» советские ученые (такие как Михаил Бахтин, Сергей Аверинцев, Юрий Лотман), а в эпоху «развитого социализма» внимание привлекали и «советские» советские ученые (такие, например, как историки-всеобщники Александра Люблинская, Николай Болховитинов, Анатолий Адо). Отдельно в статьях обсуждается фактор влияния марксистской методологии, которая была привлекательна или любопытна для зарубежных ученых. Отдельно — проблема закрытости информации в социалистических государствах и вынужденный интерес западных исследователей к национальной социальной науке как к чуть ли не единственному источнику данных.

Гуманитарная мысль стран европейской периферии для западных ученых существует в двух ипостасях: как объект и как субъект. В виде объекта она важна прежде всего для западной славистики, предметом исследований которой являются наша «отечественная» история, литература, transition и др. Этот «объект» традиционно вызывает интерес, существует, например, множество центров, изучающих Россию и соответствующие российские научные труды. (Правда, несравнимо меньше, чем в период «холодной войны».)

Соответственно и наша «рутинная наука» в этих областях могла бы быть востребована на Западе. Довольно подробно на этом вопросе останавливается целый ряд авторов монографии — при этом отмечает-

---

¹⁹ Брагинская, наст. изд.: 34.

ся, что зачастую западным ученым интересны не полученные результаты, а только приводимые данные. Как пишет Нина Брагинская,

«русские ученые прилагают чрезвычайные усилия, чтобы следить за достижениями мировой науки в своей области, западные ученые замечают русских, если их профессиональный интерес касается русских как таковых или регионального сырья. “Региональным сырьем” я называю все, что “водится” на территории России: иконы, литература и язык, музейные коллекции, архивы, курганы, этнографические объекты в виде целых народов, мамонты, шаманы... список можно продолжить. А к этому прилагаются проводники-туземцы»²⁰.

Как бы то ни было, интерес к национальной науке как к объекту реализуется преимущественно в области регионалистики; к тому же в поле зрения попадают в основном темы, актуальные для западной социальной науки: коррупция, гендер, маргинализация и пр.

Теперь о субъекте. Представленная монография очень широка по тематике (самые разные науки) и хронологии (упомянут даже XIII век). Сам выбор в качестве предмета исследования Польши и России предполагает заметные различия в интерпретациях и оценках. Есть однако один важнейший пункт, в котором авторы монографии единодушны: субъектное присутствие нашей гуманитаристики в мировой науке сегодня крайне незначительно.

Процесс превращения в «нормальную науку» лишил ее драматизма, обусловленного противостоянием режиму, и привлекательности, связанной с академическим марксизмом. Рассуждая на эту тему, Павел Уваров сопоставляет популярность трудов Арона Гуревича, Сергея Аверинцева, Александра Каждана с успехом фильмов Тарковского, а Дариуш Колодзейчик сетует, что «подобно современным польским кинематографистам, чьи фильмы постоянно сравнивают с легендарными достижениями “польской киношколы”, нынешнему польскому историку выпало счастье и несчастье жить в тени легенды о “польской исторической школе”»²¹.

Отсылка к кино здесь не случайна. Как заметит читатель, авторы монографии, обсуждая тему национальной рецепции и межкультурной трансляции научного знания в Польше и России, постоянно выходят за рамки анализа науки как таковой и ссылаются на социальный контекст, в котором существовали разные символические формы в наших странах. Контекст, во многом определявший исторические успехи и неудачи наших «деятелей науки и искусства».

---

²⁰ Брагинская, наст. изд.: 56–57.

²¹ Колодзейчик, наст. изд.: 157.

Ежи Аксер

ПОЛЬСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ — ЕВРОПЕЙСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ

Решение выделить классическую филологию в сборнике о месте польских и российских гуманитарных наук в международном научном дискурсе может показаться необоснованным — ведь в современной научной культуре это не вполне самостоятельная дисциплина, не имеющая собственной методологии. За последние сто лет она лишилась почти всех своих областей исследования, уступив их античной истории, археологии, эпиграфике, папирологии и религиоведению. Ее можно назвать праматерью всех наук об античности, но с точки зрения этих наук она часто кажется лишь вспомогательной дисциплиной. Классическая филология сохранила для себя только практическое изучение классических языков — латыни и греческого, — а также ощущение своеобразной миссии. Ибо, хотя классическая филология занимается мертвыми языками, вся традиция этой дисциплины предполагает ее непосредственную вовлеченность в современную общественную и политическую жизнь через участие в формировании и воспитании элиты.

С тех пор как античный канон утратил особое место в национальных системах образования, классическая филология лишилась своего ранга «сверхфилологии» (это произошло в межвоенный период), а по завершении революции в образовании (начавшейся в Париже в мае 1968 г.) она окончательно перестала претендовать на роль стража вечного наследия европейской культуры. «Латинская империя знака», как назвала ее в своей нашумевшей книге Франсуаза Ваке¹, распалась. Знание латыни перестало быть пропуском во все салоны. Почти одновременно латынь перестала быть главным языком католической литургии (в результате литургической реформы II Ватиканского собора, которая была проведена в Польше после 1969 г.).

---

¹ *Waquet*, 1998.

1

Особое значение для появления научной классической филологии на польских землях имела двадцатилетняя деятельность в Виленском университете Готфрида Эрнеста Гроддека (1805—1825). Хотя Гроддек не вошел в историю европейской науки, он создал первый в Польше современный филологический семинар по образцу неогуманистического семинара в Гёттингенском университете. Ему покровительствовал князь Адам Ежи Чарторыйский, бывший министр иностранных дел России и куратор университета, созданного на базе прежней Главной виленской школы. По замыслу князя и его отца, тоже Адама Чарторыйского, классическое образование должно было положить начало возрождению учебных заведений на литовско-русских землях бывшей Речи Посполитой, пользовавшихся тогда самой большой свободой. Эта попытка стала точкой отсчета для польских наук об античности, однако реализация инициативы Гроддека не могла продолжаться после ноябрьского восстания 1830—1831 гг.² Тем не менее его программа обучения принесла поразительные плоды. Учениками Гроддека были оба величайших поэта польского романтизма: непосредственно — Адам Мицкевич, а косвенным образом — Юлиуш Словацкий. Люди из среды, прошедшей такую школу в области классической филологии, дополнили ряды политических ссыльных, отправленных в глубь России. Таким необычным образом некоторые ссыльные стали востоковедами, исследователями азиатских культур³. Это было первое из многих поколений поляков, попавших в российскую науку и культуру столь странным путем.

2

Успешный выход польской классической филологии на европейский уровень произошел спустя полвека в австрийской части разделенной Польши. После поражения Австрии в войне с Пруссией (1866 г.) в Австро-венгерской монархии была проведена реформа, направленная на либерализацию национальных отношений. Благодаря этому на территории Польши, присоединенной еще в конце XVIII в. к империи Габсбургов, возникли условия для развития народного образования и культуры. Два университета — в столице Галиции Львове и в Кракове — были полонизированы. Кроме того в Кракове была основана Академия знаний (1871 г.).

---

² См.: *Plezia*, 1962.

³ См.: *Кеневич*, наст. изд.: 163.

Филологи-классики сыграли в этих научных центрах важную роль, которая в полной мере проявилась еще в 1870-е годы. Два первых польских профессора европейского класса были выпускниками немецких университетов: Людвик Цвиклинский и Казимеж Моравский защитили свои докторские диссертации в Берлине, первый — в 1873-м, второй — в 1874 г. Не желая работать во всё более радикально германизируемых университетах прусской части Польши в условиях объявленного канцлером Бисмарком «культуркампа», оба ученых решили отказаться от работы в знаменитых учебных заведениях Германской империи и предпочли «эмигрировать» в Галицию с четкой программой создания автономной польской классической филологии⁴. Двадцатитрехлетний Цвиклинский и двадцатипятилетний Моравский возглавили кафедры классической филологии во Львове и Кракове. С именем Цвиклинского связано возникновение одного из двух первых польских научных обществ: в 1893 г. во Львове по его инициативе было основано Филологическое общество, преобразованное в 1919 г. (сразу же после обретения Польшей независимости) в Польское филологическое общество. Был создан также печатный орган общества — выходящий по сей день журнал «ЭОС».

Казимеж Моравский стал одним из самых выдающихся представителей Академии знаний (впоследствии Польской академии знаний), придав исследованиям в области классической филологии размах, подкрепленный идеей возрождения польской культуры и ее вхождения в культуру европейскую через союз национальной истории и литературы с исследованиями античности⁵. Следует добавить, что в 1892 г. в Ягеллонский университет в Кракове приехал Леон Штернбах, получивший образование в Лейпциге, Дрездене и Вене и ставший для польской классической филологии столпом византиноведения и эллинистики.

Моравский стоял у истоков польской классической филологии. Он впервые поставил перед ней задачи, выходявшие далеко за преде-

---

⁴ До недавнего времени вся польская филологическая среда хорошо знала историю нашей дисциплины. См. письмо профессора Виктора Штеффена членам Польского филологического общества, зачитанное на Съезде столетия ПФО в Кракове в 1994 г.: *Antiquorum non immemores*, 1999: 9—13. В этом же томе напечатаны очерки по истории польской эллинистики, латинистики, византиноведения, медиэвистики и неолатинистики за последние сто лет, а также история журнала «ЭОС». См. также работы, написанные после Первой и Второй мировых войн: *Sajdak*, 1918; *Hammer*, 1948. См. также: *Madyda*, 1964: 81 и далее.

⁵ О Казимеже Моравском см.: *Plezia*, 1999a.

лы локальных и региональных амбиций. Он смело стремился к тому, чтобы с помощью наук об античности показать общественному мнению Европы, что польская наука может быть партнером для науки тех стран, которые в то время были лидерами *Altertumswissenschaften*. С одной стороны, из Великой Польши он вынес веру в смысл позитивистского органического труда, с другой — он пользовался большим авторитетом в среде краковских консерваторов. На протяжении почти полувека он обладал правом решающего голоса при подборе кадров на кафедры латинистики польских университетов и при определении научного пути двух поколений филологов.

Суть замысла Моравского заключалась в использовании либеральной интеллектуальной атмосферы Галиции для создания кадрового потенциала и постановки задач, выходящих за пределы возможностей этого потенциала, — задач на будущее, когда появится шанс развернуть деятельность на территории остальных частей разделенной Польши. Моравский и Штернбах стремились наметить в мировой науке — как в эллинистике, так и в латинистике, — область исследований, в которой поляки чувствовали бы себя хозяевами.

В эллинистике столь честолюбивый план удалось быстро конкретизировать. Благодаря великому немецкому филологу Ульриху фон Виламовиц-Мёллендорфу Академия знаний получила предложение издать собрание сочинений одного из Отцов Церкви — св. Григория Назианзина. Академия сочла, что это лучший способ сделать польскую науку участницей «ансамбля европейских исследований». В те времена издание сочинений Отцов Церкви было одним из высших проявлений общих усилий европейских ученых и институтов в области классической филологии. Научные планы были амбициозными — встать в один ряд с Берлинской и Венской академиями. На протяжении почти 50 лет (с перерывами на мировые войны) эта инициатива поглощала огромную часть усилий ведущих польских ученых. Лишь в самый тяжелый сталинский период, в 1952 г., от осуществления этого плана окончательно отказались. В 1970 г. эту задачу взял на себя центр издания раннехристианской литературы в Лионе. Его основатели посетили Польшу, чтобы на месте убедиться, что издательская деятельность в Кракове окончательно прекращена⁶.

Труды польских исследователей становились достоянием мировой науки прежде всего благодаря издательским сериям Академии

---

⁶ См.: *Plezia*, 1999b.

знаний: из 68 томов, изданных до Первой мировой войны, 50 содержали статьи об античности и гуманистах. Потом появилась серия Филологического архива и другие. В 1912 г. по инициативе Моравского была создана отдельная Филологическая комиссия, которая должна была координировать работу по изучению греко-римской античности, истории классической филологии и — обратим внимание! — польского гуманизма. Похоже, что «отцы-основатели» и первое поколение их учеников (Тадеуш Синко, Станислав Витковский, Густав Пшиходзкий) прекрасно вписывались в процесс создания польской классической филологии, вступающей в диалог с мировой наукой, но в то же время активно разрабатывающей современный канон национальной культуры.

3

Все изменилось в 1918 г. после обретения Польшей независимости. Появились совершенно новые возможности, но в то же время, как это ни парадоксально, возникли и серьезные опасности, угрожающие классической филологии как дисциплине с большими перспективами.

Нужно было найти научные кадры для воссозданных университетов в Варшаве, Познани, Вильне и Люблине. Полонизированная система народного образования нуждалась в новых учителях средних школ, учебниках и учебных программах. Из-за практических потребностей, скромных финансовых средств и огромного количества возможностей, открывшихся в новом государстве перед честолюбивыми выпускниками вузов, планы Моравского и краковских консерваторов потеряли свою привлекательность. Поддержание и насаждение национальной идентичности, равно как и напоминание Европе о Польше с помощью наук об античном и национальном прошлом, стало анахронизмом. Однако следует помнить, что падение авторитета классической филологии было в этот период общеевропейским явлением.

Хороший пример того, как изменилась ситуация, — судьба масштабного проекта по изданию собрания сочинений Григория Назианзина, — проекта, так и не сумевшего сплотить польскую филологическую среду. Закончились провалом и крупные издательские инициативы, связанные с неолатинистикой, — прежде всего «Corpus Antiquissimorum Poetarum Poloniae Latinorum», издание которого было новаторским предприятием в масштабе всей Европы. Зато в новых условиях, вследствие достижения «научной зрелости»

учениками Моравского, Штернбаха и более молодого Синко, быстро увеличивался кадровый потенциал. Возвращались и выдающиеся ученые польского происхождения, изгнанные революцией из России. Из Петербурга вернулся Тадеуш Зелинский с учеником — своим и Ростовцева — Мечиславом Поплавским, а из Киева — Витольд Клингер.

Случай Тадеуша Зелинского представляет собой отдельную главу в истории участия польской классической филологии в мировой науке. Зелинский был звездой первой величины в Петербургском университете. Его заслуги в нескольких областях наук об античности огромны. Особенно ценными оказались результаты изучения произведений Цицерона. Работы Зелинского о ритмике прозы Цицерона⁷ были переломными в изучении латинской прозы — мы ссылаемся на них и сейчас, сто лет спустя. Книга о роли Цицерона в культуре — это синтетическое исследование на тему европейской цивилизации⁸. Эти и другие всемирно известные сочинения (например, работы, посвященные греческой трагедии) были написаны, когда Зелинский еще жил в Петербурге. Профессором Варшавского университета он стал лишь в 1920 г. и занимал эту должность вплоть до 1939-го. Он оставил глубокий след в сознании польских ученых и деятелей культуры, однако в этот период уже не создал новых оригинальных концепций. Зелинский был авторитетом международного масштаба, не имевшим себе равных среди исследователей античности в Центральной и Восточной Европе. Его взгляды на взаимоотношения между античной культурой и миром современных идей, благодаря его личному влиянию, стали известными далеко за пределами круга специалистов. На истории античной культуры и мифологии Зелинского воспитывались три поколения интеллигенции. Его первые ученики, приехавшие вместе с ним из России, дали польской науке шанс продолжить лучшие традиции русской классической филологии, прерванные революцией: оригинальное сочетание славянской культуры с лучшими достижениями немецкой науки.

Отъезд Зелинского из бомбардируемой немцами Варшавы в 1939 г. и его одинокая смерть в Шондорфе близ Мюнхена в 1944-м стали символическим концом мечтаний об эре славянской классической филологии, которая могла бы сравниться с романской или

---

⁷ *Zieliński*, 1904; 1914.

⁸ *Zieliński*, 1897.

германской. Волнующее свидетельство представляют собой автобиография и дневник ученого, которые были напечатаны в Польше, а сейчас готовятся к изданию в России и Германии⁹.

Не подлежит сомнению, что если бы на двадцать первом году своего существования Вторая Речь Посполитая не была уничтожена, второе поколение преемников Цвиклинского и Моравского, ученики Тадеуша Синко, Густава Пшиходского, Витольда Клингера и других — Ежи Мантейфель, Виктор Стеффен, Александр Турин, Владислав Стшелецкий, Адам Крокевич, Казимеж Куманецкий — при поддержке учеников Зелинского (Стефана Сребрного) создали бы одну из ведущих школ классической филологии в Центральной и Восточной Европе. Хорошим свидетельством силы этого сообщества стали тома исследований, подготовленных польскими филологами-классиками к всемирно отмечавшимся юбилеям Вергилия (1930) и Горация (1935)¹⁰.

4

Однако история распорядилась так, что ученым, пережившим Вторую мировую войну и вернувшимся в свои университеты, пришлось работать в совершенно новых условиях — в зависимой стране, отрезанной от Европы «железным занавесом». Как это ни парадоксально, можно сказать, что они оказались в ситуации, напоминающей ту, которая сложилась на польских землях во времена молодости Цвиклинского и Моравского. Все недостатки такой ситуации очевидны, но у нее было и одно достоинство: не слишком популярные научные дисциплины, если только их представители умели придать своей деятельности характер выражения польских интересов, снова могли играть непропорционально большую роль по сравнению с той, какую они играли в университетской жизни в «нормальном» мире.

Ученые, уцелевшие в водовороте военных событий, создавали практически с нуля новые университеты — в Торунь и Вроцлаве вместо утраченных Вильно и Львова — и восстанавливали из развалин Варшавский университет. Начиная с 1948 г. шел процесс

---

⁹ *Zieliński*, 2005. Русское издание готовится в Петербурге под руководством ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН Александра Гаврилова, а немецкое — под руководством профессора Баварской Академии наук Михаэля фон Альбрехта.

¹⁰ *Commentationes Vergilianae*, 1930; *Commentationes Horatianae*, 1935.

централизации науки по советскому образцу. Как мне кажется, польская классическая филология, отчасти благодаря присоединению к ПНР немецких восточных земель и особой заботе о создававшихся там польских научных учреждениях, не пострадала так сильно, как в Чехословакии или Венгрии, не говоря уже о Советском Союзе. Без контактов с Западом, в условиях ликвидации преподавания классических языков в школах и крайнего ограничения набора студентов она сохранила свой кадровый потенциал, а довоенные кадры, за исключением особых случаев, не лишились права преподавания.

Возможно, планы идеологизации классической филологии и радикальных кадровых изменений осуществились бы в середине 1950-х, если бы не «польский октябрь» 1956 г., повлекший за собой далеко идущую (особенно для соцлагеря) либерализацию научной жизни. В результате в борьбе за влияние победил профессор Казимеж Куманецкий (1905—1977), ученик Моравского, Штернбаха и Синко, профессор Варшавского университета с 1936 г. Он занял важный в системе государственного контроля над наукой пост председателя Комитета по наукам об античной культуре Польской Академии наук (ПАН), а также на протяжении более двадцати лет был председателем Польского филологического общества (1955—1977). При постоянной поддержке Виктора Стеффена (ученика Клингера, создателя собственной школы греческой филологии в Познани, воплощавшего, по мнению филологического научного сообщества, все лучшие черты великопольской традиции) он использовал все возможности, чтобы сохранять университетскую классическую филологию, подбирать кадры с соответствующей подготовкой и восстанавливать контакты с мировой наукой.

В 1956—1977 гг. Куманецкому удавалось играть роль, подобную той, какую в 1885—1914 гг. играл Казимеж Моравский. И если в области исторических наук неформальным «послом» польской науки был Александр Гейштор, а в области средиземноморской археологии — Казимеж Михаловский, то в области классической филологии эту миссию выполнял Куманецкий, и именно так его воспринимали научные круги Западной Европы. За эту роль «посла» ему не приходилось расплачиваться никакими серьезными политическими уступками. Следует отметить, что польская классическая филология в отличие от венгерской и румынской не подвергалась преследованиям, которые могли бы привести к эмиграции видных ученых. За границей остался только замечательный специалист по греческой

филологии Александр Турин, который уехал из Польши еще в 1939 г. и прочно вошел в историю классической филологии США. В результате роль «посла», открывающего окно в Европу, была особенно важна для нового установления контактов. Однако в отличие от ГДР, где эту роль должно было играть доверенное лицо партии, в Польше на нее годился человек, символизовавший преемственность традиции, боец Армии Крайовой, никак не связанный с госбезопасностью. Такова была польская специфика в соцлагере, особенно если речь шла об элитарных и престижных научных дисциплинах.

Всемирную известность Куманецкому принесло изучение Цицерона. В этой области он был непререкаемым авторитетом — и как автор реконструкции фрагментарно сохранившихся произведений, и как ответственный за выпуск в серии «*Bibliotheca Teubneriana*» нового критического издания «*De Oratore*», и как автор монографии «Цицерон и его современники» (1957), известной в Европе в итальянском переводе (Рим, 1972), — одной из лучших книг о жизни и творчестве величайшего римского художника слова. Книга «Цицерон и его современники» повествует и о судьбе польской интеллигенции, пережившей крах Второй Речи Посполитой и смену политического строя. Мне совершенно ясно, почему французы с их опытом Виши и итальянцы с их опытом фашизма с пониманием восприняли ту точку зрения на терзания и моральную неоднозначность Цицерона, которую представил Куманецкий, соединив высокую компетентность знатока античности с польским историческим опытом¹¹.

Напомним, что с исследованием Цицерона была связана самая интересная и оригинальная часть истории римской литературы Моравского, а также величайшие достижения Зелинского. Можно сказать, что существует преемственность польских Цицероновских исследований. Налицо и специфический тон, который внес в споры о роли Цицерона в европейской культуре польский исторический опыт. Впоследствии продолжателями этой Цицероновской школы (включая издание текстов в серии «*Bibliotheca Teubneriana*») стали ученики Куманецкого (Ежи Аксер, Эльжбета Олеховская, Ян Масловский), а в настоящее время их дело продолжают ученики учеников (Катажина Марциняк).

---

¹¹ См.: *Axer*, 1991. Следует отметить, что сборник, в котором опубликована данная статья (итальянский перевод: *Axer*, 1993), представляет собой лучший источник по истории классической филологии в Варшаве. См. также двухтомник: *Wlaszczyk*, 1995; 2003, где содержится много информации о работавших в Варшаве русских ученых.

Куманецкий совершенно сознательно (я помню наши беседы на эту тему) брал за образец деятельность Казимежа Моравского. Он ставил перед собой цель не допустить провинциализации польской классической филологии. Из этих соображений он поддерживал развитие польской неолатинистики, рекомендуя издавать большие сборники прозы (эпистолографии, трактатов, речей), представляющей для европейского читателя наибольший интерес. Он воспитал ведущих польских неолатинистов (таких как Мария Цитовская) и положил начало издательской серии «*Bibliotheca Medii et Recentioris Aevi*» (более 20 томов). Оставил он и указания на будущее. Его концепции я следовал при основании Лаборатории Дантышека, которая в сотрудничестве с международным научным сообществом занимается изданием этого «европейского мастера эпистолярного жанра»¹².

Полностью сознавая преемственность идей «отцов-основателей», работал и профессор Мариан Плезя, автор «Словаря средневековой латыни в Польше». Идею этой инициативы подал в 1922 г. Моравский. Плезя начал руководить проектом в 1949 г. Словарь стал делом его жизни (наряду с замечательным пятитомным «Латинско-польским словарем»). Благодаря ему Польша оказалась в авангарде мировых исследований средневековой латинской лексикографии. Плезя был также активным членом престижной римской *Academia Latinitati Fovendae*¹³. Всю жизнь он думал и писал о роли и месте польской классической филологии в польской культуре и мировой науке. Куманецкий считал его своим первым выдающимся учеником.

5

Куманецкий скончался в 1977 г., незадолго до величайшего перелома в общественной жизни ПНР — появления профсоюзного объединения «Солидарность» (1980 г.). Настроения в интеллигентской среде становились всё более оппозиционными. В результате в 1980-е годы представителей польских научных обществ и университетских кругов принимали на Западе особенно тепло — как граждан страны, борющейся с коммунистической системой.

Применительно к классической филологии этот феномен нашёл самое яркое отражение в инициативе итальянского *Centro Ciceroniano* (находившегося в то время под особым покровитель-

---

¹² См. *Johannes Dantiscus and Res Publica Litteraria Europaea*, 2003: 13—15.

¹³ Членами академии были также Казимеж Куманецкий, Людвика Рыхлевская и Ежи Аксер.

ством итальянского правительства) — в 1989 г. в Варшаве, при участии президента и министра иностранных дел Италии, был организован Colloquium Tullianum под девизом «Цицерон и общество».

Особенно важно, что этот съезд состоялся за несколько недель до июньских выборов в Сейм, ставших началом конца ПНР. В очередной раз Цицерон выступил в роли посланника Запада. Заключенные в его наследии республиканские и освободительные идеи были открыто использованы как послание Европы, обращенное к бунтарской Варшаве.

Меня воспринимали как преемника Куманецкого в изучении Цицерона, и я, будучи ответственным за научную организацию этого конгресса с польской стороны, со всей ясностью ощущал, что мы пожинаем плоды стратегии, начало которой положил Моравский в эпоху разделов Польши и которой затем продолжил следовать Куманецкий во времена ПНР.

6

Особая роль классической филологии ощущалась еще в 1990-е годы. Результатом этого стало своеобразное «паломничество» европейских филологов-классиков в Варшаву и Краков. Это позволило сохранить значение польских ученых в таких организациях, как Fédération Internationale des Associations d'Études Classiques (FIEC). Польское филологическое общество (ПФО) было одним из пятнадцати членов-основателей этого возникшего в 1948 г. всемирного парламента филологов-классиков. Ежи Мантейфель был избран его вице-президентом в знак поддержки Польши в самый трудный период (1948—1951). В 1961 г., после октябрьской «оттепели» 1956 г., Куманецкий организовал в Варшаве генеральную ассамблею FIEC. Мне, как председателю ПФО, выпала та же честь. Проведение в Варшаве в 1997 г. генеральной ассамблеи, приуроченной к 50-летию FIEC, рассматривалось как поддержка Федерацией новой Польши¹⁴.

Десять лет спустя в глобализированном мире, после вступления Польши в Евросоюз всё это с точки зрения перспектив развития классической филологии и особенно самоощущения занимающихся ею ученых и выбирающих ее студентов — уже пройденный этап. Несмотря на мощную в количественном отношении кадровую базу (около

---

¹⁴ См.: *Actes de la Assemblée Générale de la Fédération Internationale des Associations d'Études Classiques*, 1997.

130 научных работников, занимающихся античностью, из которых приблизительно половина — филологи-классики)¹⁵, польской классической филологии, лишенной привилегий, полагавшихся представителям колонизированного народа, впервые приходится сталкиваться с истинным положением дел на рынке гуманитарных наук.

Сегодня основная тенденция — отказ от вовлеченности в жизнь современного общества ради индивидуальных успехов отдельных ученых. Похоже, что это естественный процесс.

Существует ли область исследований, особенно характерная для польской классической филологии с учетом ее истории, область, которая дала бы специализирующемуся в ней научному центру шанс появиться на карте главных академических институций мира?

Долгое время казалось, что такой областью может быть неолатинистика. В 70—80-е гг. XX в. с ней начали связывать возможность возрождения междисциплинарной и культурной перспективы классической филологии (в этом контексте характерна инициатива профессора Джозефа Йисевийна из Лувена). Поляки восприняли это с энтузиазмом. Как уже было сказано выше, в Польше еще со времен Моравского существовали давние традиции неолатинистики — превосходные с методологической точки зрения попытки рассматривать неолатинские тексты в европейском контексте (Ежи Круковский, Мария Цитовская), а в послевоенный период были заложены хорошие основы для междисциплинарного и международного сотрудничества¹⁶. Сегодня неолатинистика переживает бурное развитие (по некоторым данным, в Польше ею занимаются около двух тысяч человек), но, став отдельной субдисциплиной, она перешла в руки среднего и молодого поколения полонистов и оторвалась от среды филологов-классиков. Соответственно, она не влияет на положение дел в классической филологии. При этом, вопреки надеждам европейских реформаторов тридцатилетней давности, она не слишком междисциплинарна, зато весьма филологична¹⁷.

С начала 1990-х я придерживаюсь мнения, что истинный шанс классической филологии в глобальном мире — это ее участие в создании центров по изучению рецепции классической традиции как

---

¹⁵ См.: *Axer, Kolendo*, 2002.

¹⁶ *Cytowska*, 1999. Главным международным предприятием, несомненно, стало участие поляков в издании полного собрания сочинений Эразма Роттердамского, публикуемого в Амстердаме начиная с 1969 г.

¹⁷ См.: *Axer*, 2002.

элемента идентичности народов и обществ разных регионов этого мира. Исходя из этого я создал в 1991 г. при Варшавском университете Центр изучения античной традиции в Польше и Центральной и Восточной Европе¹⁸. Это была первая в Европе попытка основать такого рода институт по инициативе филологов-классиков.

Античная традиция представляет собой очень хороший материал при экспериментировании с европейским вариантом американской идеи *liberal education*¹⁹.

Следующие два десятилетия показали, что подобным образом всё чаще мыслят филологи-классики в разных научных центрах — прежде всего англосаксонских²⁰. Похоже, что идет общемировой процесс поиска в *reception studies* новой идентичности и методологического обновления классических наук. Мне кажется, что это открывает путь для партнерского возвращения к диалогу с другими гуманитарными науками в рамках изучения цивилизаций. Там классическая филология вновь сможет встретиться с востоковедением.

Важным подтверждением того, что есть смысл отнести к античной традиции как к пространству, помогающему наверстать упущенные шансы на научный диалог в пределах Центральной и Восточной Европы, я считаю успехи действующей при ОБТА Международной гуманитарной школы Центральной и Восточной Европы, программа которой базируется на общих корнях греко-римской традиции, формируя молодые поколения современных гуманитариев из Польши, Украины, Литвы, Белоруссии и России²¹.

Судя по всему, географическое положение и историческая судьба, во многих отношениях отодвигающие польскую гуманитаристику на второй план и затрудняющие ее диалог с мировой наукой, в данном случае представляют собой важную позитивную ценность. Периферийность превращается в пограничность²². Приняв эту пер-

---

¹⁸ Начиная с 2008 г. он стал частью Института междисциплинарных исследований Варшавского университета. См.: www.ibi.uw.edu.pl, а также www.obta.uw.edu.pl. См. также: *Tomaszuk*, 1996 [1997].

¹⁹ *Axer*, 1998. Следует добавить, что в отличие от большинства других стран в Польше университетская классическая филология сохранила традиционные тесные связи со средой учителей средних школ. Это создает условия для введения в школах предмета «античная культура». См.: *Czetwertyńska*.

²⁰ Очень характерна публикация в престижной и консервативной серии программной статьи именно в этом духе: *Hardwick*, 2003.

²¹ См.: www.msh.ibi.uw.edu.pl.

²² См.: *Axer*, 2007.

спективу, классическая филология может обрести новую форму существования, гарантирующую Польше самостоятельность и значимость в мировом научном дискурсе.

Библиография

Actes de la Assemblée Générale de la Fédération Internationale des Associations d'Études Classiques (FIEC) Varsovie, les 21—24 Août, 1997 // EOS. 1996 [1997]. Suppl. ad vol. LXXXIV.

Antiquorum non immemores. Polskie Towarzystwo Filologiczne 1893—1993 / Red. J. Łanowski, A. Szastyńska-Siemion // Acta Societatis Philologicae / edita curante J. Axer. 1999. Vol. 3.

Axer J. How the classical tradition can serve to promote liberal education in the twenty first century: the East-Central Europe case example // Artes Liberales. Kritika&Kontext. 1998. No 1. S. 113—116.

Axer J. Kazimierz Kumaniecki 1905—1977 [Казимеж Куманецкий 1905—1977] // W kręgu wielkich humanistów. Kultura antyczna w Uniwersytecie Warszawskim po I wojnie światowej [В кругу великих гуманитариев. Античная культура в Варшавском университете после Первой мировой войны] / red. I. Biezuńska—Małowist. Warszawa: Państwowe Wydaw. Naukowe, 1991. S. 90—113.

Axer J. Kazimierz Kumaniecki 1905—1977 // Index. International Survey of Roman Law. 1993. Vol. 21. P. 87—110.

Axer J. Neo-Latin studies and national identity — the case of East-Central Europe // EOS. 2002. Vol. LXXXIX (2). S. 331—342.

Axer J. The Classical Tradition in Central-Eastern Europe // Companion to the Classical Tradition / ed. by C.W. Kallendorf. Malden, MA, Oxford, Carlton, Victoria: Blackwell Publishing, 2007. P. 132—156.

Axer J., Kolendo J. Polen // Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. Rezeptions und Wissenschaftsgeschichte. Bd. 15/2. Stuttgart—Weimer: Verlag J. B. Metzler, 2002. S. 391—441.

Błaszczuk L.T. Filologia klasyczna na Uniwersytecie Warszawskim w latach 1816—1915 [Классическая филология в Варшавском университете в 1816—1915 годах]. Warszawa: Wydawnictwa UW [Uniwersytetu Warszawskiego], 1995, 2003. Cz. I, II.

Commentationes Horatianae. Cracovia: Gebethner & Wolf, 1935.

Commentationes Vergilianae. Cracovia: Gebethner & Wolf, 1930.

Cytowska M. Neolatynistyka polska i jej główne linie rozwoju w ostatnim stuleciu [Польская неолатинистика и ее главные направления развития в XX столетии] // Antiquorum non immemores. Polskie Towarzystwo Filologiczne 1893—1993 / red. J. Łanowski, A. Szastyńska—Siemion. Warszawa — Wrocław, 1999. S. 62—72.

Czetwertyńska G. Łacina i kultura antyczna jako składniki systemu edukacyjnego w Polsce współczesnej 1989—2002, Uniwersytet Warszawski; Wydział Polonistyki, 2004.

Hammer S. Historia filologii klasycznej w Polsce [История классической филологии в Польше]. Kraków: PAU, 1948.

Hardwick L. Reception Studies. Oxford; New York: Published for the Classical Association by Oxford University Press, 2003 (The New Surveys in the Classics. No 33).

Johannes Dantiscus and Res Publica Litteraria Europaea // Corpus Epistularum Ioannis Dantisci. A project of edition. Warsaw—Cracow: OBTA—PAU, 2003.

Madyda W. Z dziejów filologii klasycznej w Uniwersytecie Jagiellońskim [Из истории классической филологии в Ягеллонском университете] // Wydział Filologiczny UJ. Historia katedr. Kraków: Wydawnictwo UJ, 1964.

Plezia M. Geneza seminarium filologicznego G. E. Grodka [Возникновение филологического семинара Г. Э. Гродека] // EOS. 1962. Vol. LI. S. 403–426.

Plezia M. Kazimierz Morawski (1852—1925) [Казимеж Моравский (1852—1925)] // Z dziejów filologii klasycznej w Polsce [Из истории классической филологии в Польше] / red. B. Brzuska. Warszawa: PTF, 1999a. S. 137—167.

Plezia M. Niedoszłe wydanie krakowskie pism Grzegorza z Nazjanzu [Неосуществленное краковское издание сочинений Григория Назианзина] // Z dziejów filologii klasycznej w Polsce [Из истории классической филологии в Польше] / red. B. Brzuska. Warszawa: PTF, 1999b. S. 272—305.

Sajdak J. Filologia klasyczna w Polsce [Классическая филология в Польше] // Polska w kulturze europejskiej [Польша в европейской культуре]. T. II. Kraków, 1918. S. 95—129.

Tomaszuk K. Centre for Studies on the Classical tradition in Poland and East-Central Europe. University of Warsaw // EOS. 1996 [1997]. Suppl. LXXXIV. S. 75—81.

Waquet F. Le latin ou l'empire d'un signe. Paris: Albin Michel, 1998.

Zielinski T. Cicero im Wandel der Jahrhunderte. Leipzig: B. G. Teubner, 1897.

Zielinski T. Das Clauseigesetz in Ciceros Reden // Philologus. 1904. Suppl. 9.

Zielinski T. Der constructive Rhythmus in Ciceros Reden // Philologus. 1914. Suppl. 13.

Zieliński T. Autobiografia. Dziennik 1939—1944 [Автобиография. Дневник 1939—1944] / Podali do druku: H. Geremek, P. Mitzner. Warszawa: OBTA UW (Seria “Ludzie i teksty”. Red. J. Axer. T. 3), DiG (Seria “Pamiętniki z XVII—XX w.”), 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксер Ежи, ординарный профессор Варшавского университета, директор Института междисциплинарных исследований «Artes Liberales» (IBI AL UW).

Бокус Барбара, ординарный профессор Варшавского университета, руководитель кафедры когнитивной психологии (факультет психологии Варшавского университета), главный редактор журнала «Psychology of Language and Communication».

Брагинская Нина Владимировна, д.и.н., профессор Института восточных культур и античности и ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Дмитриев Александр Николаевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ, редактор журнала «Новое литературное обозрение».

Душак Анна, профессор Института прикладной лингвистики Варшавского университета, руководитель Кафедры социолингвистики и языковой прагматики.

Издебский Хуберт, ординарный профессор Варшавского университета, директор Института теории государства и права.

Каменский Александр Борисович, д.и.н., профессор, декан факультета истории ГУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ.

Кеневич Ян, ординарный профессор Варшавского университета, директор по научным исследованиям Института междисциплинарных исследований «Artes Liberales» (IBI AL UW).

Колодзейчик Дариуш, профессор Исторического института Варшавского университета.

Курчевская Иоанна, ординарный профессор, научный сотрудник Института социологии ПАН и Института междисциплинарных исследований «Artes Liberales» Варшавского университета (IBI AL UW), главный редактор журнала «Polish Sociological Review».

Лешенко Павел Владимирович, младший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ.

Новицкая-Ежова Алина, ординарный профессор Варшавского университета, научный сотрудник Института междисциплинарных исследований «Artes Liberales» Варшавского университета (IBI AL UW).

Полетаев Андрей Владимирович, д.э.н., профессор, зам. директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Руткевич Алексей Михайлович, д.филос.н., профессор, декан факультета философии ГУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ, зав. сектором современной западной философии Института философии РАН.

Савельева Ирина Максимовна, д.и.н., ординарный профессор ГУ ВШЭ, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ.

Серебряный Сергей Дмитриевич, д.филос.н., директор Института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Смирнов Илья Сергеевич, к.филол.наук, профессор, директор Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Уваров Павел Юрьевич, д.и.н., профессор, член-корр. РАН, зав. отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, директор Российско-французского Учебно-научного центра исторической антропологии им. Марка Блока Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Хоцкуба Збигнев, профессор Варшавского университета, руководитель Кафедры политической экономии, научный сотрудник Института экономических наук ПАН.

Юревич Андрей Владиславович, д. психол. н., член-корр. РАН, зам. директора Института психологии РАН.

Ядацкий Яцек, ординарный профессор Варшавского университета, директор Института философии ПАН.

Научное издание

**Национальная гуманитарная наука в мировом контексте:
опыт России и Польши**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *Д.М. Носов*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка: *О.А. Иванова*
Корректор *С.М. Хорошкина*

Подписано в печать 16.02.2010. Формат 60×88 1/16.
Гарнитура Newton С. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22,31.
Уч.-изд. л. 20,7 Тираж 1000 экз. Изд. № 1033

Государственный университет — Высшая школа экономики.
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3. Тел./факс: (495) 772-95-71

ISBN 978-5-7598-0676-9

9 785759 806769